ВИКТОРИЯ
ВЕСТИЧ
БЫВШИЙ МУЖ
Вернуть семью
СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Виктория Вестич

Бывший муж. Вернуть семью

https://litres.ru/74377587
SelfPub; 2026

Аннотация

- Моей будешь.

Упираюсь в плечи бывшего мужа, пытаясь оттолкнуть, но он пригвождает меня к стене, вжимая в нее так, что я не могу дышать.

- Отпусти! Задыхаюсь от его близости. Нас могут застукать в любую секунду!

- Нет, - рычит он в мои губы. - Ты моя. Была, есть и будешь. У тебя получилось исчезнуть тогда, но больше я тебя не отпущу.

- Ты женишься на моей сестре! Между нами давно все кончено!

- Свадьба ни на что не повлияет. Будешь принадлежать мне, когда хочу и сколько хочу. Иначе все узнают о нашем порочном секрете.

Два года назад я сбежала от опасного человека. Сбежала, унося под сердцем тайну, о которой он никогда не должен узнать после его измены. Но судьба столкнула нас снова. Теперь мой бывший муж, богатый и жестокий Тагир Юсупов, стал женихом моей сестры и я сделаю все, чтобы он никогда не встретился с нашим сыном.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	46
Глава 8	51
Глава 9	58
Глава 10	65
Глава 11	70
Г	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Виктория Вестич
Бывший муж. Вернуть семью

Пролог

Он перехватывает меня за запястье, когда я хочу проскользнуть мимо. Горячий взгляд опаляет, пронзает насквозь, когда мы сталкиваемся глазами. Чувствую, что мне не хватает воздуха, словно горло передавили.

Тагир вталкивает меня в комнату. Щелчок замка.

Заперта!

Только не это. Только не с ним!

Настигает за секунду. Вжимает крепким телом в стену, не давая сбежать. Даже сквозь ткань рубашки я чувствую его стальной пресс. Кажется, будто от кожи бывшего мужа исходит жар и меня прошивает волной мурашек.

Как раньше. Раньше он тоже вжимал меня в стену, вбивался так, что я с ума сходила.

Судорожно сглатываю и увожу подбородок в сторону. С Тагиром слишком опасно оставаться наедине.

- Пусти! – шиплю.

Голос срывается. Кричать нельзя. Если услышат домаш-

ние – будет скандал. Ведь моя сестра выходит замуж за моего бывшего. Теперь мы чужие. А еще никто из них не знает, что я была замужем за Юсуповым и он отец моего сына.

Упираюсь в плечи Тагира руками, пытаясь оттолкнуть от себя. Бесполезно. Проще сдвинуть с места скалу.

- Ты знаешь, как долго я тебя искал? – урчит Юсупов голодным зверем над ухом.

По этим рокочущим ноткам слышно, как он доволен.

- Мне все равно! Отпусти! – снова пытаюсь дернуться.

- Моей будешь.

- Ты сошел с ума! Пусти, сказала!

Задыхаюсь от его близости. Нас могут застукать в любую секунду! Только этого не хватало, как будто мне мало постоянных нотаций!

- Нет. Ты моя. Была, есть и будешь.

- Между нами давно все кончено! Ты изменил мне! А теперь вообще женишься на моей сестре!

- Свадьба ни на что не повлияет. Будешь принадлежать мне, когда хочу и сколько хочу, - усмехается Тагир, - Иначе все узнают о нашем порочном секрете.

Застываю.

- Ты… ты что, мне угрожаешь?!

Юсупов ухмыляется.

- Вряд ли твой отец в курсе, что ты когда-то спала с его врагом и конкурентом, верно? Даже замуж за него тайно выскочила.

- Он не мой отец!

- Твой опекун – без разницы, - пожимает плечами он, - Тебя все равно накажут. Так что ты будешь делать все, что я скажу. И тогда никто не узнает, какие горячие ночи ты проводила с конкурентом своего опекуна.

На лице Юсупова расплывается довольная ухмылка. А я… меня словно кипятком обдает. Как я могла влюбиться в эту беспринципную сволочь?! Я ведь страдала все это время, я действительно с ним одним хотела быть, хоть и понимала, что я ему не нужна.

Никогда этот напыщенный придурок не узнает о сыне! Я все для этого сделаю.

Ручка двери внезапно дергается вниз-вверх и дверь начинает ходуном ходить. А уже через секунду в нее долбят кулаком. Успокоившееся было сердце бешено бьется в ребра. Мой опекун – человек восточных кровей и, если нас с Тагиром застукают вместе, мне конец! У меня навсегда заберут сына и я больше никогда не смогу его увидеть!

- Что ты так испугалась, птичка? – скалится Юсупов и, отпустив меня, подходит к двери и проворачивает замок, - Давай увидим, кто здесь такой нетерпеливый.

Глава 1

- Марина! Да что такое?! Гости скоро приедут, а у нас еще ничего не готово! Где ты пропадаешь?!

Зычный крик тети заставляет меня вздрогнуть. Я чуть не роняю тарелки с нарезкой и поспешно ставлю их на стол. Тетя Адиля и так на мне все время злость срывает, но сегодня совсем вздохнуть не дает свободно. Просто в доме дяди Мурата нет – поехал из аэропорта гостей встречать. Иначе бы везде стояла тишина.

После того, как родители погибли, моим воспитанием занялся брат моего отца. Мне всего двенадцать было, но уже тогда его жена, тетя Адиля, невзлюбила меня. Как бы я ни старалась угодить, что бы ни делала – она всегда была недовольна. И вечно выговаривала мне, что я, мол, в свою непутевую русскую мать, бестолковая и плохая.

- Ты еще и не переоделась?! – возмущается тетя Адиля, появляясь в столовой, - Жених Лаяны уже вот-вот приедет! Что о нас подумают! Скажут, что мы плохо о тебе заботимся! Давай, иди наверх, быстро переодевайся и Лаяну поторопи! Потом прислуге помоги приборы расставить. Да следи, чтобы серебро столовое натерли получше и стаканы. Чтобы ни капельки грязи!

Сурово нахмурив свои четко прорисованные черные брови, тетя Адиля уходит.

Еле подавляю тяжелый вздох и тороплюсь наверх. Лучше не спорить. С момента, когда я забеременела два года назад и вернулась домой, не проходило и дня, чтобы мне не припоминали, что я нагуляла ребенка вместо учебы. Сразу я стала позором семьи и даже за покупками тетя Адиля не выпускала меня одну. Максимум – погулять во дворе их огромного дома. Сначала одной, а потом и с коляской…

Я молчала. Идти мне некуда. Еще и дядя Мурат намекнул, когда я пожаловалась, что мне тяжело, что он может отобрать права на ребенка и просто выкинуть меня из дома. Я ведь и об отце ребенка рассказывать отказалась наотрез.

Никому не объяснишь, что я влюбилась. Никому не докажешь, что мы предохранялись. Я доверяла ему, как себе, голову потеряла. Тагир Юсупов был старше меня на двенадцать лет. Неудивительно, что он, опытный и богатый, вскружил мне, восемнадцатилетней девчонке, голову. Я тогда впервые почувствовала, каково это – быть любимой, быть нужной…

Будто крылья за спиной выросли. В доме дяди я всегда была приживалкой, лишней, мешающей. И хоть Тагир сразу дал понять, что никаких серьезных намерений у него нет, я уже втрескалась по уши. Верила сначала, что смогу его изменить. Что я та самая, ради которой Юсупов поступится своими холостяцкими принципами.

И мы действительно поженились. Я попросила, чтобы свадьба прошла тайно. Просто не хотела ставить в известность

дядю и его семью. Дядя Мурат всегда был слишком властным человеком и безумно меня контролировал. Я была уверена на сто процентов, что он запретит мне выходить замуж, скажет, что я должна закончить университет сначала. А я… я так долгое время была одинока, что мне хотелось, чтобы мое счастье длилось вечно.

А потом я узнала, что Юсупов – прямой конкурент дяди, причем вражда у них давняя. Услышала случайно из разговора его сотрудников, когда приехала к нему в офис. У нас разные фамилии были – я сменила на фамилию мамы сразу, как только мне исполнилось восемнадцать. Наверное поэтому Тагир даже не узнал о нашем родстве с Зариповыми.

Помню, как я тогда волновалась, когда ехала домой. Переживала, что случится конфликт, что если он узнает, что Мурат Зарипов – мой дядя.

Но все переживания отошли на второй план, когда в нашей квартире застукала своего мужа, на котором верхом сидела секретарша… Тагир даже не заметил, как я вошла.

Я сбежала в тот же вечер. Даже вещи не собрала, все бросила. Глотая слезы, купила билет на самолет и просто сбежала. На развод подала уже дома у дяди. Просто знала, что именно здесь Юсупов меня искать не будет. На заседания не являлась и нас развели через несколько месяцев, несмотря на то, что Тагир был против.

А потом тест показал две полоски… На аборт я пойти просто не смогла и о беременности молчала до последнего.

Боялась, что тетя с дядей заставят от ребенка избавиться. Несмотря на то, что они восточная семья со строгими традициями, знаю, что на аборт бы меня действительно легко отправили. Все бы сделали, лишь бы я семью не опозорила.

Но потом скрывать стало невозможно. Меня мучил дикий токсикоз и пришлось рассказать. И начался ад. Тетя Адиля даже пощечину влепила, снова припомнив мне плохое воспитание моей матери. Каждый день – унижения, скандалы, требования избавиться от ребенка, несмотря на то, что все сроки прошли.

Я плакала каждый день, настолько тошно было. Но одна мысль о том, что у меня появится хоть один по-настоящему близкий человек, моя кровиночка, заставляла держаться.

И дядя сдался. Позвал на разговор, сказал, что оставит меня жить у себя и поможет всем, чем нужно. А взамен я буду помощницей по дому. Работы с тех пор на меня свалилось огромное количество, но я не унывала. Главное, что была рядом с сыном! Пришлось взять академ, но уже на следующий год я решила вернуться и доучиться.

Переодеваюсь в простое черное платье с белым воротничком. Аккуратное и закрытое, с юбкой до колена и короткими рукавами. Быстро причесываюсь и немного подкрашиваю ресницы. На губы наношу немного блеска. Косметики у меня почти нет, поэтому макияж уж какой есть выходит.

- Лаяна, ты готова? – постучавшись, заглядываю к сестре.

Спальня Лаяны, родной дочки Зариповых отличается от

моей кардинально. Тут и кровать с балдахином, и немного аляпистый интерьер с позолотой. У меня условия практически спартанские. Разве что детская кроватка есть и манежик с игрушками Ратмира.

- Представляешь! Папа говорит, что у моего жениха своя авиакомпания! И несколько крутых бизнес-центров! – щебечет Лаяна вместо ответа, припудриваясь, а потом делает жалостливую мину, - жалко, что тебе, конечно, такой жених не светит. Ты же порченая.

Сжимаю крепче зубы, чтобы не ответить резко.

Тише, Марина, выдыхай. Надо просто потерпеть ужин, поулыбаться, показывая, какая мы идеальная семья. Только я для Зариповых та самая гнильца на идеальном яблочке. Подозреваю, тетя Адиля согласилась, чтобы я присутствовала на ужине, только чтобы на моем фоне ее непорочная дочка выглядела лучше. Иначе погнала бы меня наверх.

Честное слово, я бы предпочла провести это время с сыном. Но пришлось няне увезти его, «чтобы не мешал».

- Папа сказал, что раньше они враждовали, а теперь у них будет общий бизнес!

- Ну прямо династический брак, - хмыкаю я, складывая руки на груди.

Лаяна не замечает саркастических ноток в моем голосе.

В отличие от меня, у нее черные волосы. Да и черты лица у Лаяны именно восточные, с густыми черными бровями – просто копия тетя Адиля. А вот во мне от отца во внешности

мало что выделяется. Я больше похожа на свою маму – тоже блондинка с серыми глазами и типично славянскими чертами лица. Многие, кто видел наши фото, говорят, как мы схожи. И тетю Адилю этот факт почему-то особенно бесит.

Мою маму Таю она терпеть не могла всегда. И даже после ее гибели хорошего я от нее никогда не слышала в ее сторону. Все время корила, как плохо меня воспитала.

- Тетя Адиля сказала, чтобы ты поторопилась, - говорю я и уже хочу уйти.

Дел невпроворот! Еще надо успеть все бокалы протереть и приборы. Если тетка хоть один след от пальца увидит – потом ведь я получу, а не прислуга, которую пригласили ужин обслуживать. Весь дом на мне, разве что готовкой тетя Адиля занимается. Не доверяет. Но уборка, стирка, глажка – это все за мной. А дом огромный, двухэтажный! При том, мне еще с малышом нужно сидеть: кормить, играть с ним, развивать…

Но и уйти мне некуда. Накоплений у меня никаких нет, знакомых и подруг тоже. Да и… страшно, что если я только заикнусь уйти, дядя Мурат просто отнимет у меня сына. Скажет, что не хочет, чтобы я их и дальше позорила…

Я спускаюсь вниз по лестнице и на последней ступеньке запинаюсь и едва не лечу носом вниз, когда сталкиваюсь глазами с одним из гостей – среди толпы незнакомых мне людей Тагир выделяется сразу. Широкие плечи, высокий рост, мощная тренированная фигура. Цепкий взгляд Юсупова тут

же впивается в меня, словно тысячи лезвий. Хватает за горло и не отпускает, не давая дышать.

Только не это! Я так долго успешно бежала от него, а теперь… что он вообще делает в доме дяди Мурата? Они ведь конкуренты!

- О, Марина, - заметив меня, тетя Адиля, приветствовавшая гостей, вся расплывается в любезной улыбке, - познакомьтесь, это моя названая доченька Марина. А это – Тагир, жених нашей Лаяны.

Глава 2

Несмотря на то, что в прихожей, помимо Юсупова, еще несколько человек, я даже не замечаю, кто приехал и в каком количестве. Потому что потрясенно пялюсь на Тагира, а тот пожирает меня глазами в ответ. На губах его медленно расплывается ухмылка.

- Мариночка, что же ты стоишь, помоги гостям, возьми их верхнюю одежду, - голос тети Адили сладкий, как елей, чуть ли не медом сочится.

Но взгляд у нее уничтожающий, едва ли не кричащий от возмущения. Зато улыбка на лице застывает как приклеенная и выглядит неестественно. Моя приемная мать готова на клочки меня разорвать, вот только рядом толпятся гости и при посторонних людях она, конечно же, не может себе позволить накричать. Надо же вести себя подобающе.

- Да, конечно! Рада познакомиться! – опомнившись, я бросаюсь на помощь и тут же получаю ворох шуб и курток, которые уношу развесить в гардеробную для верхней одежды.

- А где же Лаяночка? – доносится позади веселый голос какой-то женщины.

Спиной чувствую, как меня прожигают глазами вслед, а сама молюсь, чтобы смотрел не Юсупов… может он забыл меня уже? Хотя надеяться на это слишком глупо. Взгляд у

Тагира был такой, словно он наконец-то загнал в угол самую желанную добычу. Поневоле от одного воспоминания об этих черных, как самый темный омут, глазах мурашки по коже. Нет, точно не забыл…

А хотелось бы. Если хоть кто-нибудь прознает о нашей связи, о том, что мы даже женаты были, мне больше не дадут жизни. У меня и так она не сахар, но я уверена, что тетя Адиля с молчаливого одобрения дяди Мурата устроит мне настоящий ад. Не говоря уже о том, что они снова могут начать шантажировать меня сыном…

Как же хорошо, что Ратмира увезла няня! Не хватало еще, чтобы Тагир прознал о ребенке. По их законам он вполне может отобрать у меня сына – женщина в восточных семьях при разводе практически бесправна.

«Папа говорит, что у моего жениха своя авиакомпания! И несколько крутых бизнес-центров!» - всплывают некстати в голове слова Лаяны. Да уж, с Юсуповым мне не тягаться… Хорошо, что Зариповы и словом не обмолвятся о том, что у меня есть ребенок. Уверена, они бы даже под пытками в этом не признались, чтобы малейшая тень позора не легла на их драгоценную Лаяночку. Даже увезли моего сыночка, лишь бы у гостей вопросов лишних не возникло.

Вешаю последнюю шубку на плечики и только разворачиваюсь, чтобы уйти, как передо мной будто из ниоткуда возникает тетя Адиля. Лицо перекошено от злобы – сейчас, без свидетелей, ей нет смысла даже пытаться сдерживать истин-

ные эмоции. И свою черную ненависть тоже.

- А ну слушай сюда! – шипит она и больно хватает меня за руку выше локтя. Унизанные кольцами пальцы впиваются в кожу, когда мачеха дергает меня к себе, - Чтобы смотреть даже в сторону Юсупова не смела, поняла меня?! Это жених Лаяны и тебе с ним ничего не светит!

- Ч-что вы такое говорите, тетя! – тараторю я испуганно, - Я ведь ничего не сделала!

- Видела я, как ты на него смотрела! Не сделала она. Таким, как ты, и делать ничего не надо, один взгляд как у кошки течной – и мужика в койку затащила. Смотри мне, слышишь? Если только увижу, что ты хвостом перед Тагиром вертишь – горько пожалеешь!

- Да за кого вы меня принимаете?! – возмущаюсь я, пытаясь вырвать руку из хватки.

Но тетя Адиля вцепилась в нее, будто кобра. Наращенные ярко-красные ногти впиваются в кожу так, что следы остаются от полумесяцев.

- Ты дурочку из меня не делай. Ясно за кого принимаю – ты же не девочка давно. Таким, как ты, под мужика лечь – как воды попить. Раз до свадьбы попробовала, то и тут легко согласишься. Порченая ты, как мамаша твоя. Я таких за версту чую.

Меня захлестывает такая обида, что я даже понять не успеваю, как всаживаю тете Адиле хлесткую пощечину. Я не маленькая была, помню маму очень хорошо! И всегда она

была воспитанной женщиной, которая не позволяла себе даже взглянуть на постороннего мужчину! Она папу любила и жили они с ним душа в душу, не ссорились никогда!

- Не смейте так о маме говорить! – выпаливаю я.

А уже в следующую секунду жалею о том, что сделала.

Тетя Адиля лишь сначала замирает и таращится на меня во все глаза. Явно отпора получить не ожидала за столько лет издевательств. Но уже через секунду мачеха хватает меня за волосы. На моей голове собран пучок, но это не мешает ей вцепиться в локоны так, словно она скальп собирается с меня снять.

- Ах ты потаскушка неблагодарная! Пригрела змеюку на груди! Ну ничего, я тебя сейчас так проучу, забудешь, как перечить! – голос тети Адили сочится злорадством.

Она тащит меня куда-то вглубь комнаты.

- Пустите! – я перехватываю ее руку за запястье и пытаюсь расцепить пальцы, больно тянущие за волосы.

- Только пикни! Еще хуже будет! – угрожает она и с размаху лупит меня металлической ложкой для обуви.

Я скулю от боли, пытаясь перехватить рожок, но тетя Адиля легко вырывает его. Она женщина в теле, тогда как я из-за постоянного недосыпа и нагрузки похудела значительно, и силы у нее явно больше. Так что она лупит меня, как провинившегося щенка, не обращая внимания на то, что из моих глаз уже градом катятся слезы. Лишь когда я начинаю рыдать громче и умоляю остановиться, тетя Адиля отпускает мои

волосы и с брезгливой миной отряхивает руку, будто держала что-то неимоверно грязное.

- Одинаковые вы с мамашей. Как только уму-разуму начинаешь вас учить, так вы сразу в слезы, - хмыкает она презрительно, - Чтобы на Юсупова даже смотреть не смела, поняла меня? Ну??

- Поняла, - всхлипываю я, обнимая колени руками.

Следы ударов горят огнем. Тетя Адиля не церемонилась и не жалела, била, куда только дотянется.

- То-то же. А то строит из себя невинную бедняжку, - мачеха бросает рожок для обуви рядом и сухо, без капли сострадания в голосе, распоряжается, - наверх иди и приведи себя в порядок. Да платье надень какое-нибудь подлиннее, закрытое, чтобы рук не видно было. Не позорь нашу семью еще больше, и так от тебя одни беды.

Развернувшись, она направляется к выходу, но у самой двери останавливается и оборачивается.

- Наверх поднимись так, чтобы тебя никто не видел. Мурату на глаза тоже не попадайся, чтобы лишних вопросов не было. Иначе гуленыша своего не увидишь.

Одарив меня напоследок надменным взглядом, приемная мать уходит.

Вскидываю голову, когда слышу угрозу, и поспешно стираю слезы. Тетя Адиля боится мужа, но не думаю, что тот вдруг решит меня защитить. Скорее еще больше накажет. Тетя Адиля умеет его накрутить до такой степени, что он

меня виновной во всех грехах посчитает.

Лучше бы меня выслали вместе с сыном, раз я так позорю Зариповых. Но нет же, надо покрасоваться, показать, какие они добродетельные и хорошие, что приняли дочь родственников и «воспитывают как родную». Да и кто же тогда обслуживать будет господ, раз Золушки нет?

Сглотнув, я поднимаюсь на дрожащие ноги. Надо поскорее умыться, переодеться и снова спускаться. Если не успею к ужину – снова будут выговаривать. Надеюсь, что Юсупов будет вести себя прилично и даже не намекнет на то, что когда-то мы с ним были женаты…

Глава 3

Черное закрытое платье с длинными рукавами надежно скрывает все следы от ударов. Я единственная, кто одет не празднично, а будто на похороны, настолько траурным выглядит мой наряд.

Как только появляюсь в гостиной, сразу же сторонюсь толпы и держусь поодаль. Не хочу ни с кем сталкиваться и разговаривать – лучше уж пусть гости Зариповых считают меня замкнутой и нелюдимой. Но тетя Адиля как зоркий коршун. Ничто от ее маленьких черных глаз не спрячется. Стоит ей только меня увидеть, как она тут же торопится подойти.

- Получше выбрать ничего не могла? – мачеха мастерски маскирует недовольное шипение широкой дружелюбной улыбкой.

Со стороны и не скажешь, что она общается со мной както плохо. Просто подошла с приемной дочерью поговорить, что такого? Но меня ее лживой улыбкой не проведешь. Знаю я, какая злоба за ней прячется. Тетя Адиля из тех людей, кто запросто может сглазить – так позавидует, что у человека потом все из рук валится и жизнь рушится ей на радость. Поневоле в приметы поверишь…

- Больше ничего не было, - оправдываюсь я, - Вы же знаете, у меня вся одежда практичная, а на старых платьях либо рукава короче, либо они висят на мне не по размеру. Могу

пойти посмотреть что-нибудь в гардеробе у Лаяны.

- Стоять. Никуда ходить не надо. И так сойдет, - окинув меня взглядом, тетя Адиля закатывает глаза, словно одолжение мне этим разрешением делает, - еще не хватало, чтобы ты в вещах Лаяночки лазила. За стол иди, сейчас садиться будем.

- Но горячее же скоро подавать нужно…

- Ты глупая совсем? – раздражается тетя Адиля, - Ай-я, за что мне такое наказание? Опозорить меня собралась перед гостями, что прислуживаешь за столом? Чтобы они потом говорили, что я к тебе отношусь плохо? Садись иди давай. И рот не раскрывай, в общие разговоры не лезь, если к тебе никто не обращается. Прилично себя веди.

Досада и негодование во мне копятся и копятся с каждым неприятным словом или замечанием. Настроения никакого нет – я устала за день безумно, пока вылизывала дочиста гостевые комнаты и столовую. Потом еще на кухне приходилось помогать. То подать что-то тете Адиле, то овощи приготовить, то гору посуды перемыть. Руками, потому что посудомойка только в праздники используется. И вообще – я что, «лентяйка, зря тебя только кормим»?

Сейчас я как выжатый лимон и болит все тело. Хочется свернуться калачиком возле сыночка и забыть обо всем, вдыхая его сладковатый запах. Дети так особенно пахнут!

Одно воспоминание о Ратмире придает сил. Ладно, Марина, и не с таким сталкивались. Подумаешь, просто ужин

пересидеть! Даже делать ничего не надо. Главное переждать время, которое Тагир будет тут гостить, и никак с ним не пересекаться. А потом снова увижу сыночка и все станет как прежде.

Как прежде… сердце от этого ноет. Если бы я только могла сбежать… жить вместе с сыном в небольшой квартирке, работать где-нибудь и просто тихо проводить свои дни. Но Зариповы меня так просто не оставят. На них же весь город смотрит, позора они не потерпят. Чтобы незамужняя приемная дочь, которая сына в подоле принесла – и жила отдельно? Я даже заикаться боюсь, чтобы он меня переселил отдельно жить… они Ратмира-то прячут ото всех. Как только гости, так няня уезжает с моим крохой…

Стараясь ни на кого не смотреть, я занимаю свое место за столом. Лаяна садится рядом – мы же как-никак для всех сестры, хоть и двоюродные. Она вся буквально сияет, то и дело бросает взгляд на кого-то напротив и я с жаром понимаю, что Тагир сел прямо напротив меня. Ведь больше Лаяна ни на кого толком и не смотрит, так поглощена своим женихом.

- Сколько угощений! Ну что вы, не стоило так утруждаться, - с довольством в голосе произносит незнакомая мне женщина лет шестидесяти, которая приехала с Юсуповым. – Что из этого готовила Лаяночка?

- Ой, дорогая Кисма, Лаяна готовила для вас плов, чак-чак и сама делала пахлаву! По семейному рецепту! Лаяночка

так вкусно готовит, пальчики оближите!

Я только успеваю в рот немного еды отправить, как тут же давлюсь и закашливаюсь. Это Лаяна-то готовит?? Да она весь день просидела в комнате, платья перебирала и прихорашивалась. На кухне даже носа не показала.

- Извините, - заметив испепеляющий взгляд тети Адили, я тут же старательно улыбаюсь гостям, - еда не в то горло пошла…

- А ваша старшая дочка? – до боли знакомый хрипловатый тембр голоса Тагира заставляет вздрогнуть. – Она тоже помогала ужин готовить?

Мы пересекаемся взглядами на одно короткое мгновение, но этого хватает, чтобы меня опалило, обожгло до самых костей. Обида от предательства еще не зажила и нахальная полуулыбка Юсупова делает только хуже.

Я увожу глаза в тарелку, уговаривая себя, что должна просто молча есть и делать вид, что Тагира вообще не существует. Ни в пределах этой столовой, ни вообще в мире. Но эта его наглая ухмылка, насмешливый взгляд – они просто из себя выводят. Он меня предал! Жизнь разрушил! А теперь сидит, как ни в чем не бывало, и еще в глаза мне смеет улыбаться.

- Конечно, - еле скрывая недовольство, тянет тетя Адиля, - но…

- Но я плохая хозяйка, - выпаливаю я и снова прожигаю Тагира взглядом исподлобья. – Чуть кухню не сожгла.

За столом воцаряется растерянное молчание. Лишь Юсупов откидывается на спинку стула и склоняет голову набок. Рассматривает меня своим прищуром черных омутов, в которых я когда-то тонула, будто в смоле. Но сейчас меня такими приемами не взять. Стреляный воробей.

Мы оба знаем, что я замечательно готовлю. Что Тагир язык готов был проглотить, от своей привычки ездить по ресторанам отказался, а я… мне было в радость готовить любимому человеку. Нет ничего приятнее, когда твой мужчина смотрит на тебя с восхищением и просит добавки, а ты понимаешь, что ни на одно блюдо самого крутого шеф-повара он не променяет твою стряпню. Пусть даже оно чуть подгорело или пересолено.

Только вот потом мой бывший муж нашел себе другую кухарку… свою секретаршу, которую так страстно лапал и не только. И мои розовые очки лопнули, ранив меня слишком сильно. Когда ты не замечаешь очевидных вещей, жизнь тебя, бывает, очень больно прикладывает лбом об реальность. Чтобы в себя пришел.

Я тогда много для себя поняла. Стало понятно, почему Юсупов так часто в командировки ездил и на работе задерживался. «Работы» много было.

Не выдержав, я резко отодвигаю стул и вскакиваю с места. Просто понимаю, что не смогу дольше минуты задержаться в этом месте – мне дышать нечем. Сейчас даже плевать на то, что гости Зариповых подумают и что тетя Адиля будет

отчитывать. Я быстрым шагом сбегаю из столовой, но спиной все так же чувствую острый прожигающий взгляд.

Боже, и как я продержусь столько дней с ним под одной крышей??

Глава 4

Я сижу в своей комнате, как на иголках. Знаю, что тетя Адиля не придет сразу, чтобы не вызвать никаких подозрений. Наверняка сейчас отвлекает гостей, как может. Вот только счастье мое длится недолго и в тишине я провожу всего каких-то полчаса.

Дверь в мою комнату распахивается с грохотом и тетя Адиля влетает внутрь без стука. Я едва успеваю сесть на кровати, а мачеха уже нависает надо мной и грозно трясет кулаком:

- Ты что устраиваешь?! Зачем краснеть меня перед гостями заставляешь?? Ты хоть понимаешь, какого уровня гости к нам приехали, а? Или что, ты так Лаяну опозорить захотела? Сестре завидуешь?

- Я не завидую! – выпаливаю, как только появляется возможность вставить хоть слово, - Мне просто стало плохо.

- И поэтому так по-хамски ушла? Значит так… - тетя Адиля сурово сводит брови на переносице, - чтобы я твоих выкрутасов больше не видела, поняла? Если не поймешь словами – я по-другому объяснять буду. Сама уже знаешь, как. Мы хорошее впечатление должны на семью Тагира произвести, а раз уж ты наша родня, прости Аллах, то соответствуй. И так одни беды и позор в дом несешь.

- Если я здесь вам так мешаю, давайте я переселюсь? Бу-

ду жить отдельно, на работу устроюсь в вашу пекарню, - я подскакиваю на ноги и умоляюще смотрю на тетю Адилю. Просить такое у дяди Мурата я бы даже не осмелилась.

- Что такое, гулять по мужикам без присмотра захотела? – сощуривается мачеха и окидывает меня презрительным взглядом, будто смотрит даже не на пустое место, а на самое гадкое, что только может быть.

- Как вы можете такое говорить?! У меня был только один мужчина! Не думайте, что я какая-то развратная! Я хочу просто спокойно жить с сыночком, раз вам здесь мешаю.

Но мое объяснение тетю Адилю не устраивает совсем.

- Значит, так. Чтобы я такого от тебя больше не слышала. Еще раз заикнешься о переезде – будешь оправдываться перед Муратом. Мы тебя приютили, кров тебе дали, ты ни в чем не нуждаешься, и вот так ты отплатить хочешь? Снова нас на весь город ославить, когда опять в подоле принесешь?

Я поджимаю губы и увожу взгляд в сторону. Сейчас ситуация кажется мне просто безвыходной. Неужели я никогда не вырвусь отсюда? Ведь, по сути, у Зариповых в руках вся моя жизнь… они буквально решают все. Вдруг дядя Мурат не одобрит, чтобы я в университет вернулась? Мы ведь пока это даже не обсуждали. Неужели я так и буду все время просто уборщицей и прислугой в доме дяди?

- То-то же, - хмыкает тетя Адиля самодовольно, приняв мое молчание за согласие, а потом принимается давать указания, - Дождешься, когда гости лягут и пойдешь уберешь

все. Загрузишь посудомойку и протрешь полы в столовой, гостиной и холле. А еще отпарь платье Лаяны, в котором она будет завтра. Да, и утром встань пораньше, чтобы тебя никто не видел, и накрой на стол.

Молча смотрю перед собой. Я уж думала, что в дни, когда здесь гости, получится немного отдохнуть, но нет. Вся работа сдвинется на ночь, так что даже поспать толком не выйдет.

Действительно, зачем тратить деньги на прислугу, когда дома живет нахлебница, можно ее сделать батрачкой за еду и кров. И я не против помогать, я никогда работы не боялась, но не когда я даже толком с ребенком проводить время не могу. Иногда приходится оставлять Ратмира в манежике совсем одного, ведь няню Зариповы вызывают только в крайних случаях, когда гости приезжают. И то лишь для того, чтобы его увезти…

- Не слышу ответа, - голос тети Адили леденеет.

- Хорошо, тетушка.

- Кстати, об этом. При гостях зови меня мамой.

Я тут же вскидываюсь. Все во мне сразу протестует против этого. У меня только одна мама – Тая Славина! Другой быть не может!

- Мама у меня есть, - тихо, но твердо говорю я, - могу называть вас мачехой.

- Еще чего! Ты свой гонор-то поубавь, кому-нибудь другому показывать его будешь, принципиальная ты наша. Со мной гордость свою засунь в то место, которым ты ребенка

нагуляла. Пока ты в моем доме, и я кормлю тебя и гулёныша твоего – по моим законам будешь жить, поняла?

Опускаю голову и сжимаю крепче зубы. Я устала слушать постоянные оскорбления. Может поэтому я негромко произношу:

- Меня кормит дядя Мурат. Не вы.

Раньше я бы не осмелилась перечить тете Адиле, но сейчас… я многое готова терпеть ради своего ребенка, как и любая женщина, но называть мачеху матерью…

- Ах ты! Мало сегодня досталось, а?

Тетя Адиля дергается ко мне, замахиваясь, чтобы ударить, но я успеваю податься назад.

- Мама! Мама, ты тут?? – к моему счастью, в комнату, будто вихрь, залетает Лаяна. – Наконец-то! Я тебя везде ищу! Мамочка, завтра чай подавать Тагиру, а я так волнуюсь!

Сестра в такой панике, что тетя Адиля моментально теряет ко мне всякий интерес.

- Мое ты золотко. Ну пойдем, пойдем порепетируем вместе, - тепло улыбаясь, она приобнимает дочь за плечи и ведет к выходу.

Не успеваю я выдохнуть с облегчением, как она оборачивается у двери:

- С тобой позже поговорим. Все, что я сказала, сделай. Иначе хуже будет.

Когда остаюсь одна, сажусь на свою кровать и печально смотрю под ноги, на пестрый детский ковер. Сыночка безум-

но не хватает. Рядом с ним все проблемы отходят на другой план, остается только его крошечный носик-кнопочка, темные, будто спелые наливные вишни, глазки и счастливая улыбка. А как он смеется, когда наклоняешься чмокать его сладкие щеки! Когда мои волосы щекочут его лицо, Ратмир всегда заливается хохотом.

- Как же тебя не хватает, мой маленький… как ты там без меня? – бормочу я тоскливо.

Закрыв глаза, мысленно представляю лицо сыночка и вздыхаю. Наверное хорошо все-таки, что Ратмира нет сейчас в доме. Он маленький еще, но если поставить сына рядом с отцом, всем станет заметно, насколько они похожи. Тагир бы все понял, а уж его мама тем более. Кисма ведь его мать?

Чувствую укол обиды. Меня Юсупов с семьей не знакомил… по сути мы для своих семей женились тайно. Сегодня я даже толком не узнала, кто с ним приехал. Помимо Кисмы было двое мужчин – один совсем в возрасте, лет шестидесяти, а второму на вид лет сорок. Была еще молчаливая женщина тоже лет тридцати пяти-сорока. Они схожи с Лаяной. Может потому что общие восточные корни дают знать – незнакомка тоже брюнетка с роскошной копной волос и пухлыми губами.

Падаю на подушку и разглядываю белый потолок. Юсупов почти не изменился… все тот же нахальный прямой взгляд в самую душу, словно он видит меня голой, а не в закрытом черном платье с юбкой до пола. Полуухмылка на губах и до

боли знакомый прищур глаз. В них всегда насмешливая искорка, будто он вызов бросает.

Когда мы впервые встретились, я утонула в этих его смоляных глазах. Дьявольский блеск так привлекал, заставлял смотреть и смотреть, пока их обладатель нагло украл меня у студенческих подруг танцевать. «Моей будешь», - шепнул он тогда на ухо. Я рассмеялась и заблокировала настойчивого кавалера, когда он где-то раздобыл мой номер, но Тагир не привык так легко сдаваться.

На следующий день он ждал меня возле университета. Высокий, широкоплечий, статный мужчина возле дорогой машины притягивал взгляды всех девчонок, что сплетничали после занятий на крыльце. По сравнению с ним однокурсники казались просто неоперившимися птенцами. Даже король нашего курса как-то подсдулся и не красовался как обычно на парковке перед девушками, а быстро скрылся в нутре спортивной машины. Словно не выдержал конкуренции, почувствовав более сильного соперника.

Каким-то шестым чувством, выглянув в окно кафетерия на первом этаже университета, где мы с подругой сидели, я поняла, что Тагир приехал ко мне. Я даже не чувствовала, я знала это в глубине души. И сердце тогда предательски екнуло и забилось быстрее.

Я не сдалась скоро, хоть и влюбилась до беспамятства. Но потом все же не устояла, рухнула в омут черных глаз с головой и утонула… на свою беду. Растворилась настолько,

что даже не заметила, как Юсупов переменился. Слишком верила своему мужчине и получила отрезвляющий ледяной ушат на голову. Осталась с разбитым сердцем и малышом под сердцем…

Единственное, за что Тагиру я благодарна – мой сынок. Но узнать о том, что он существует, Юсупов никогда не должен. Между нами только ненависть.

Я видела, как горели глаза моего бывшего мужа. Он словно предательницу перед собой увидел, а я знаю, что Тагир скор на расправу с теми, кого считает предателями. Если он узнает о Ратмире – отберет его, скажет, что по их законам отец должен воспитывать сына. А Зариповы… они даже не защитят. Снова будут причитать, что я их позорю и что Тагир все делает правильно.

Нет, лучше терпеть и молчать. Пусть мне тяжело и плохо, пусть совсем нет поддержки, но лучше так, чем я лишусь единственного лучика света в своей жизни.

Глава 5

Я созваниваюсь с няней по видеозвонку, любуюсь совсем немного сыночком и расспрашиваю о его самочувствии. Ратмир уже хочет спать и капризничает, поэтому я шлю своему хныкающему крохе воздушные поцелуи, завершаю звонок и прижимаю телефон к сердцу. Как же безумно я скучаю! Кто-то скажет, что прошло всего ничего, но только мамы могут понять эту щемящую тоску без своего малыша, когда даже полчаса в тягость.

Поставив будильник на три часа, я переодеваюсь в одежду для сна, быстро умываюсь и ложусь спать. Времени и так мало. А ровно в три ночи тихо крадусь по коридору, чтобы убрать все внизу. Особняк у Зариповых большой, просторный, поэтому на одно только подметание и мытье полов не меньше сорока минут уходит.

Загружаю посудомойку, перестилаю скатерть в столовой, загружаю стиральную машинку и глажу уже сухие вещи. И, конечно, отпариваю платье Лаяны, а параллельно, зевая, думаю, в чем же мне ходить завтра. Снова надевать платье наверное будет странно – оно слишком мрачное. Да и точно не подходит к тому, чтобы ходить по дому. Наверное просто надену какой-нибудь свитшот легкий и джинсы. Не будут же Зариповы в пух и прах разодеваться из-за гостей?

Время за делами пролетает незаметно. Я хотела после них

вздремнуть немного, но в половину седьмого утра встает тетя Адиля. Следом за ней на кухне появляется сонная Лаяна, которая не прекращает ныть и тереть глаза руками.

- Мама, ну зачем в такую рань вставать?! Я спать еще хочу-у! – хнычет она, противно растягивая слово.

- Я кому сказала не тереть глаза! Ресницы же отвалятся! – шикает на нее тетя и тут же принимается сюсюкать, тиская надувшуюся Лаяну за щеки, - Солнышко, завтрак готовить нужно. У нас важные гости и их много. Надо твоего жениха вкусно накормить. Вот зайдет сейчас кто из них на кухню, а ты тут как тут уже, завтрак готовишь. Скажут: какая хорошая невестка у меня будет!

- Ну зачем это все, мам? Все равно я не буду вставать рано и готовить, когда замуж выйду. Какой смысл, если Тагир может в кафе поесть? И вообще, я повара найму! Не вижу смысла у плиты стоять и тратить на это время.

Молча я наблюдаю за сценой, допивая воду. Вообще я не очень разделяю мнения Лаяны и считаю, что ради любимого человека можно встать немного пораньше. Разве не приятно накормить его вкусной едой, которую с таким теплом и душой готовил? Разве блюда из кафе с ними сравнятся? Не спорю, профессиональные шеф-повара готовят вкусно, но разве еда, которую сам делаешь для родных и близких не особенная?

Но вслух я, конечно, ничего не говорю. Как будет питаться Тагир, мне все равно. Чтоб ему вообще в столовой всегда са-

мые просроченные блюда давали! Ну и Лаяна еще готовила. Она как-то сварила суп сама, без присмотра тети Адили. Вся семья отравилась и два дня потом не ела ничего. Хорошо, что мне тогда повезло – на морепродукты у меня аллергия.

Пока тетя с Лаяной спорят, я под шумок пытаюсь сбежать из кухни. Но мачеха замечает меня и в спину летит суровый приказ:

- Стоять. Марина, здороваться не учили?

Натягиваю на лицо улыбку и разворачиваюсь.

- Доброе утро, тетя Адиля. Просто вы разговаривали и я не хотела мешать.

- Ага, конечно. Знаю я тебя, лишь бы слинять и не работать. Принимайся за картошку. Начисти, помой и порежь. Лаяна, ты учишься замешивать тесто.

В итоге поспать мне так и не удалось. Пришлось возиться с овощами, потому что сестра наотрез отказалась пачкать свои руки с маникюром. Но готовить меня все равно не допустили и вообще потом с кухни выпроводили, чтобы если вдруг гости случайно вошли на кухню, увидели, что Лаяну, которой только совсем чуть-чуть помогает тетя Адиля.

Решив, что пока все-таки есть возможность, нужно хоть немного вздремнуть, я направляюсь в свою комнату.

Мы сталкиваемся в коридоре второго этажа. Когда я замечаю массивную грозную фигуру Юсупова, спотыкаюсь на ровном месте и сжимаюсь до размеров точки. Сердце ухает вниз, а потом пускается вскачь. Ноги на автомате продол-

жают нести меня навстречу бывшему мужу, я только жмусь ближе к стене, надеясь проскользнуть как можно скорее к своей комнате.

Не выходит.

Он перехватывает меня за запястье, цепко, останавливает одним властным жестом. Горячий взгляд опаляет, пронзает насквозь, когда мы сталкиваемся глазами. Чувствую, что мне не хватает воздуха, словно горло передавили петлей.

Тагир вталкивает меня в комнату и входит сам. Щелчок замка.

Заперта!

Только не это. Только не с ним!

Настигает за секунду. Вжимает крепким телом в стену, не давая сбежать. Даже сквозь ткань рубашки я чувствую его стальной пресс. Кажется, будто от кожи бывшего мужа исходит жар и меня прошивает волной мурашек.

Как раньше. Раньше он тоже вжимал меня в стену, вбивался так, что я с ума сходила.

Судорожно сглатываю и увожу подбородок в сторону. С Тагиром слишком опасно оставаться наедине.

- Пусти! – шиплю.

Голос срывается. Кричать нельзя. Если услышат домашние – будет скандал. Ведь моя сестра выходит замуж за моего бывшего. Теперь мы чужие. А еще никто из них не знает, что я была замужем за Юсуповым и он отец моего сына.

Упираюсь в плечи Тагира руками, пытаясь оттолкнуть от

себя. Бесполезно. Проще сдвинуть с места скалу.

- Ты знаешь, как долго я тебя искал? – урчит Юсупов голодным зверем над ухом.

По этим рокочущим ноткам слышно, как он доволен.

- Мне все равно! Отпусти! – снова пытаюсь дернуться.

- Моей будешь.

- Ты сошел с ума! Пусти, сказала!

Задыхаюсь от его близости. Нас могут застукать в любую секунду! Только этого не хватало, как будто мне мало постоянных нотаций!

- Нет. Ты моя. Была, есть и будешь.

- Между нами давно все кончено! Ты изменил мне! А теперь вообще женишься на моей сестре!

- Свадьба ни на что не повлияет. Будешь принадлежать мне, когда хочу и сколько хочу, - усмехается Тагир, - Иначе все узнают о нашем порочном секрете.

Застываю.

- Ты… ты что, мне угрожаешь?!

Юсупов ухмыляется.

- Вряд ли твой отец в курсе, что ты когда-то спала с его врагом и конкурентом, верно? Даже замуж за него тайно выскочила.

- Он не мой отец!

- Твой опекун – без разницы, - пожимает плечами он, - Тебя все равно накажут. Так что ты будешь делать все, что я скажу. И тогда никто не узнает, какие горячие ночи ты про-

водила с конкурентом своего опекуна.

На лице Юсупова расплывается довольная ухмылка. А я… меня словно кипятком обдает. Как я могла влюбиться в эту беспринципную сволочь?! Я ведь страдала все это время, я действительно с ним одним хотела быть, хоть и понимала, что я ему не нужна.

Никогда этот напыщенный придурок не узнает о сыне! Я все для этого сделаю.

Ручка двери внезапно дергается вниз-вверх и дверь начинает ходуном ходить. А уже через секунду в нее долбят кулаком. Успокоившееся было сердце бешено бьется в ребра. Мой опекун – человек восточных кровей и, если нас с Тагиром застукают вместе, мне конец! У меня навсегда заберут сына и я больше никогда не смогу его увидеть!

- Что ты так испугалась, птичка? – скалится Юсупов и, отпустив меня, подходит к двери и проворачивает замок, - Давай увидим, кто здесь такой нетерпеливый.

Глава 6

- Стой! – срываюсь я с места, - Не открывай!

У меня дыхание перехватывает.

Тагир оборачивается ко мне и окидывает с холодной усмешкой взглядом. Его ладонь ложится на поверхность двери и легко удерживает ее на месте – человек с той стороны не может ее открыть. Ручка дергается вверх-вниз и от нервного перенапряжения у меня самой руки подрагивают.

- Передумала? – вскидывает он бровь.

- Не делай этого. Прошу! У меня будут неприятности!

- Будут. Непременно будут, принцесса, если не будешь слушаться, - кивает Юсупов и с деланной задумчивостью поглаживает подбородок, - Может мне прямо за завтраком рассказать, что на одной из дочек Зариповых я был женат? Или может хватит рассказа о том, как жарко ты мне отдавалась?

Щеки вспыхивают.

- Прекрати! Ты не понимаешь…

- Естественно я не понимаю, - рыкает он, - почему ты сбежала не понимаю, почему не сказала сразу, кто твой опекун. И…

- Тагир? – слышится снаружи, - Ты же здесь, я знаю! Впусти меня наконец!

Голос незнакомый. Видимо, это кто-то из двух женщин, что приехали с Юсуповым. Ручка двери снова дергается

вверх-вниз.

- Пожалуйста, - шепчу одними губами.

Тагир прожигает меня тяжелым взглядом. Молчаливо сверлит несколько секунд, которые растягиваются в вечность. Лишь потом кивает в сторону ванной комнаты.

- Там пока скройся. Сейчас все улажу.

Пулей я слетаю с места, боясь, что в любую секунду Юсупов передумает.

Дверь прикрываю неплотно, оставляю совсем крошечную щелку, чтобы хоть какое-то пространство для маневра иметь. Вдруг эта внезапная гостья в ванную соберется, мне же надо будет что-то предпринять!

Замираю на месте и буквально к стене прирастаю, стараясь даже дышать как можно тише. Сначала слышится скрип двери, шаги, а потом какая-то возня и... это... это звуки поцелуев?

Опешив, я подаюсь чуть вперед и выглядываю в щелку. Просто ушам не верю, хочу убедиться, что мне не послышалось. Но в ту же секунду я жалею, что поддалась порыву.

Меня обдает жаром с ног до головы, словно за шиворот кипяток вылили. И теперь он стекает по хребту, прожигая до самых костей, как яд. То же самое я чувствовала, когда застала Тагира с секретаршей. Не думала, что вид целующегося с кем-то бывшего мужа может настолько ранить. Как будто я вернулась на почти два года назад, в момент, когда весь мой мир ушел из-под ног, а потом разлетелся на осколки.

Обмерев, я широко распахнутыми глазами слежу за сценой. Юсупов тем временем отстраняет от себя девушку и я испытываю шок повторно - это же та брюнетка, что приехала с ним! Я думала, что это сестра Тагира, а он, выходит, любовницу с собой приволок?! В дом, куда свататься на другой приехал?!

- Дорогой, я соскучилась, - канючит тем временем брюнетка, дуя губы и делая тонкий голосок.

Это совсем не вяжется ни с ее внешностью отъявленной стервы, ни с возрастом. Как ни крути, но заметно, что ей явно ближе к сорока.

Это вот так Тагиру разнообразия захотелось?! Сначала с любовницей, потом с женой, а еще и меня заставить хочет постель греть?? Внутри все кипит от возмущения.

- Аниса, я же сказал, что у нас деловая поездка и чтобы ты не приходила, - я не вижу лица Тагира, но по одному только голосу легко представляю, как он раздраженно морщится. Слишком я хорошо его когда-то изучила... растворилась без остатка...

- Ну прекрати, нам же так хорошо было вместе!

- Я сказал, что между нами все кончено. Я женюсь, - ледяным тоном чеканит Юсупов, легко удерживая Анису на вытянутых руках.

- И что? - фыркает капризно женщина и отбрасывает от себя руки Тагира, - я и до этого тебе говорила, что жена не стенка и может подвинуться. Ты ее видел? Она же в рот тебе

заглядывает, и не заметит даже, что ты ей изменяешь. Втрескается, как дурочка.

Мы совсем не близки с Лаяной, но сейчас меня за сестру берет такая обида, что хочется выскочить и выцарапать этому наглому мужлану бесстыжие глаза! Да что он о себе возомнил?! Думает, что может изменять направо-налево??

В глубине души я надеялась, что после нашего развода Тагир хоть чуточку изменился, осознал, каким козлом был и какую боль причинил мне. Но реальность отрезвила жестко, будто в ледяную прорубь окунула.

- Мы все уже обсудили. Ты здесь чтобы подписать документы, как мой партнер по бизнесу, и сразу уедешь. Между нами теперь только работа.

- Брось, Тагир. Что плохого, если ты будешь приятно проводить время с красивой одинокой женщиной?

- Я женюсь. Если продолжишь в том же духе, партнерский контракт мы разорвем.

Аниса фыркает и недовольно кривит губы.

- Когда тебе станет скучно в кровати с этой пустоголовой дурочкой, ко мне не приходи, понятно?!

Сверкнув напоследок глазами, Аниса выходит из спальни Юсупова. Я еле удерживаю себя от того, чтобы не выскочить сразу. Мысленно отсчитываю до пяти и лишь тогда появляюсь перед Тагиром.

- Так значит, ты с любовницей свататься приехал? - цежу я, стискивая кулаки.

На лице Юсупова ни капли раскаяния. Он складывает руки на груди и смеривает меня взглядом.

- С чего ты вдруг решила, что можешь предъявлять мне претензии? Если ты забыла, мы в разводе.

- Меня возмущает сам этот факт! Как так можно?! Жить в доме родителей невесты и под их носом шашни крутить с другой!

- Ревнуешь?

По губам Юсупова расползается самодовольная усмешка, а желание съездить по его наглой физиономии превышает все допустимые пределы. Удерживает лишь страх, что, если закатить скандал, это может услышать кто-то посторонний. Узнают домашние - мне конец.

С достоинством окинув мужчину насмешливым взглядом, я повожу плечами:

- Тебя? Я не подбираю объедки и не даю второго шанса таким кобелям, как ты.

Тагир меняется в лице. Для него отказ как красная тряпка для быка, но оскорбление - в сто раз хуже.

- На твоем месте я бы следил за язычком. А то можно сболтнуть чего-нибудь лишнего, о чем потом горько пожалеешь, - вкрадчиво угрожает бывший муж.

- Что, не можешь простить, что я первая от тебя ушла? Ты же так любишь все контролировать, а тут любимая игрушка ускользнула сквозь пальцы, а ты даже найти не смог.

Юсупов надвигается на меня, темнее грозовой тучи. Вся

моя бравада испаряется, как по мановению волшебной палочки. Дрогнув, я отступаю. Кулак бывшего впечатывается в стену рядом со мной и, нависнув, Тагир рычит практически в губы:

- Не смей играть со мной. Думаешь, я пожалею тебя из-за того, что мы когда-то женаты были? - он усмехается и отрицательно качает головой, глядя в мои глаза, - я не прощаю предателей.

- Предателей? - переспрашиваю тихо, - Это ты о себе? Ведь это ты мне изменил.

Запрокинув голову, Юсупов хрипло смеется. А меня затапливает жгучей обидой от такой реакции.

- Хочешь сказать, ты ушла из-за измены?

- По-твоему это смешно? Или этой причины недостаточно?

- Да. Ты разрушила нашу семью из-за глупой интрижки, которая ничего не значила. Нормальная женщина бы просто закрыла глаза. Ничего страшного не случилось.

- Не случилось? - шепотом переспрашиваю я, не веря услышанному. Никогда даже подумать не могла, что Юсупов настолько прожженый циник. - То есть, если бы я изменила, ты бы тоже закрыл глаза? И что это за семья тогда??

- У мужчин полигамия в крови. А женщина себе одного партнера выбирает. Так что нет, не закрыл бы.

Я настолько вне себя от злости на эти слова, что пихаю от себя бывшего мужа.

- Убери от меня руки! Мне даже слышать это противно!

- Ничуть не жаль. Вечером сегодня придешь ко мне в спальню, - сухо чеканит Юсупов.

- Знаешь, что, Тагир? - я гордо вскидываю подбородок.

Не позволю втаптывать себя в грязь, особенно после всего, что услышала. Ну уж нет, ни за что не подчинюсь! И я выпаливаю первое, что приходит на ум, но, судя по вытянувшемуся от удивления лицу Юсупова, попадаю в самую точку:

- Только попробуй рассказать о нас хоть кому-то! Тогда Зариповы и о том, что ты с любовницей свататься приехал, узнают тоже!

Глава 7

Брови бывшего мужа ползут вверх. Я смотрю ему в глаза и сама поражаюсь своей смелости. Раньше я бы никогда не посмела перечить Тагиру и уж тем более угрожать. Но после всего, через что мне пришлось пройти, я перестала быть той наивной девочкой, которая с восторгом заглядывала ему в рот. Я же растворилась в нем без остатка, думала, что между нами то самое – навсегда, до самой старости… а он меня предал. А сейчас еще и так унизить хочет.

- А ты смелой стала, как я посмотрю, - усмехается Юсупов.

Его пальцы вдруг касаются моей кожи, гладят мою щеку. Всего лишь одно прикосновение, но оно обжигает до глубины души.

Я отшатываюсь в сторону. Стараюсь запихнуть глубже всколыхнувшиеся чувства, держать маску, чтобы ни один мускул на лице не дрогнул и даже глаза не выдали, как мне больно. Он еще и смеет касаться меня, как раньше, предатель…

- Не подходи ко мне больше, понял? – твердо говорю я, - Все, что между нами было – ошибка. Теперь ты женишься на моей сестре и лучше, чтобы о нашем общем прошлом никто не знал. Я не скажу никому и ты не говори тоже. Живи счастливо.

Делаю попытку уйти, но Тагир легко ее пресекает. Перехватывает меня за талию, обвивает ее руками. Не просто удерживает на месте, а привлекает к себе, а потом...

Я даже не успеваю понять, как его губы накрывают мои. Поцелуй требовательный, жадный, неистовый. Все происходит так неожиданно, что в первые мгновения у меня земля уходит из-под ног. Я будто зависаю в невесомости, как это бывало, когда Тагир налетал неукротимым ураганом и целовал вот так же требовательно и властно. Завоевывал раз за разом, пока все мои защиты падали и рушились под его натиском.

Всего нескольких секунд хватает, чтобы реальность обрушилась на меня ледяным ушатом воды. Это мой бывший, который сначала изменил, а теперь решил шантажировать, чтобы очередной своей любовницей сделать! Интересно, на замену той самой Анисе, что недавно выпроводил из спальни? И какая я буду по счету? Третья или десятая? Шейх недоделанный!

Больно кусаю Юсупова за губу. Тот шипит и ослабляет хватку. И уж точно он не ожидает того, что будет дальше. Размахнувшись, я со всей силы залепляю наглому зарвавшемуся мужлану пощечину. Такую, что у меня ладонь вспыхивает огнем.

- Не смей!.. – тяжело дыша, выпаливаю, прожигая его полным ненависти взглядом. – Больше никогда, понятно тебе?!

Я бросаюсь к выходу из комнаты. Щеки пылают, кожу

пронзают колкие мурашки. Как он вообще посмел?! Сначала заявил, что его измена ничего не значит и я должна была просто терпеть, а теперь вообще все грани перешел!

Хватаюсь за ручку двери, но в последнее мгновение Юсупов перехватывает меня за запястье. Резко оборачиваюсь, так, что волосы по лицу хлещут.

Наши взгляды – как скрестившиеся клинки. Режут, полосуют острыми гранями прямо по живому, тому, что в самой глубине скрыто и до сих пор кровоточит.

- Я не разрешал тебе уходить, - низко рычит Юсупов.

Его взгляд пылает, как сгорающий дотла лес. И этот пожар в его глазах и меня готов уничтожить тоже.

- Пусти, - требую я.

Тщетно пытаюсь выдернуть руку из хватки, но Тагир дергает на себя. Я упираюсь изо всех сил и не замечаю, что в какой-то момент Юсупова меняется в лице.

- Что это??

Тон жесткий, в нем арктический холод. Растерявшись, я перевожу глаза туда, куда смотрит бывший муж, и сердце удар пропускает. Длинный рукав свободной серой футболки, в которой я обычно занимаюсь домашними делами, задрался, оголяя синяки на руке.

Ощущение, будто меня в прорубь окунули. Поспешно одергиваю ткань ниже, но Юсупов хватается за край рукава и нарочно задирает его еще выше.

- Перестань… пусти… - протестую слабо.

Тагир всегда мог сохранять непроницаемое выражение лица – я не раз наблюдала, насколько сильное у него самообладание. На сложных переговорах или встречах его титаническое спокойствие выводило из равновесия конкурентов. Но сейчас… в какое-то мгновение мне кажется, что Юсупов практически в бешенстве.

- Что это??! – он впивается в меня требовательным взглядом. Сканирует, словно считать хочет все, что я в самой глубине души прячу.

- Ударилась.

- Ударилась? – переспрашивает со злой иронией.

На скулах бывшего проступают желваки.

На секунду мне кажется, что это выход. Надо просто рассказать Тагиру правду, но почти сразу я гоню от себя эту мысль. Тогда я буду на крючке не у тети Адили, а у него. И, в отличие от моей мачехи, Тагир будет делать больно не только физически. Он ведь уже пытается шантажировать меня, чтобы в постель затянуть. А что будет, когда он узнает о ребенке?

- Ты плохо слышишь?? – выпаливаю зло и вырываю руку, - Не лезь в мою жизнь. Мы теперь чужие люди друг другу – и точка!

Скатываю рукав ниже, пряча синяки на коже. Лучше так. Лучше терпеть тетю Адилю, чем потерять остатки самоуважения и стать постельной грелкой для зарвавшегося бывшего мужа. Не говоря уже о том, что я сыночка могу потерять. В

то, что Юсупов отберет его, я верю без малейших сомнений.

За дверь выскакиваю так, словно за мной гонятся все черти ада. Меня потряхивает. Слишком много переживаний снова вдруг стало в моей жизни.

Я разворачиваюсь, чтобы сбежать наконец в свою комнату, делаю шаг и будто влетаю в невидимую стену. Прямо передо мной стоит Аниса. Та самая любовница Тагира, которой буквально десять минут назад он дал от ворот поворот.

- Значит, Тагир за обеих сестричек взялся? – усмехается она ядовито, - И какой по счету женой будешь ты? Главной или проституткой по вызову?

Глава 8

Чувство такое, будто под ногами разверзлась земля и я падаю в пропасть. Быстро оглянувшись и удостоверившись, что рядом никого нет, я стараюсь сказать как можно более ровным тоном:

- Не понимаю, о чем вы, Аниса.

По губам брюнетки змеится ядовитая усмешка.

- Ну конечно, не понимаешь. С виду такая праведница, вчера вон в монашеское платье вырядилась, а сама по койкам чужих мужиков скачешь.

В лицо бросается краска. Уже не первый человек обвиняет меня в том, чего я не делала никогда! Тагир вообще был моим первым и единственным мужчиной! Сколько можно постоянно макать меня в грязь?

- Следи за языком, - не выдержав, припечатываю я и, проходя мимо, нарочно пихаю Анису плечом.

Но просто так любовница Юсупова меня отпускать не собирается точно. Перехватив меня за запястье, она дергает меня к себе и шипит в лицо:

- Поаккуратней на поворотах. А то ведь я тебе такое устроить могу, что мало не покажется.

В глазах Анисы столько злобы и ненависти, словно я ей жизнь сломала или как минимум дорогу где-то перешла.

- Можете не переживать, ваш любовник мне не нужен, -

чеканю, вырывая руку из хватки, - Но, судя по тому, что он вас бросил прямо перед женитьбой, предпочитает Тагир явно девушек помоложе. А вы так, запасной аэродром для разнообразия. Понимаю, обидно. Но я здесь не при чем – идите к Юсупову и спросите, чего он не любит постарше.

У Анисы лицо вытягивается от изумления. Она явно не думала даже, что я отпор могу дать. И я ее очень понимаю – с виду наверняка выгляжу зашуганной и забитой. Просто за все время жизни в доме Зариповых я четко уяснила одно правило: лучше быть незаметной и не высовываться. Тогда есть шанс, что на тебя обратят меньше внимания. А то всегда «забота» тети Адили или дяди Мурата мне выходила боком.

Это Лаяну они холили и лелеяли, а обо мне заботились иначе. Запреты, скандалы, даже физические наказания – дядя Мурат говорил, что все это мне во благо. Я же другой веры, в отличие от Лаяны, а это значит, что уже априори грязная. А уж когда я забеременела, Зариповы будто вообще с катушек слетели. Считали, что получили доказательство своим словам. Не раз я выслушивала, что надо было меня больше бить и «воспитывать». Мол, мало было, раз не поняла…

А мне всего-то и хотелось просто почувствовать себя любимой, нужной. Чтобы мне тоже говорили, что я молодец, когда приношу домой хорошие оценки – а училась я на отлично. Чтобы хоть раз обняли и сказали доброе слово. Передать не могу, как мне было больно и горько, когда о моем дне рождении даже не вспомнили. А когда я робко сказала

об этом, тут же получила упрек, что должна быть благодарна за то, что меня поят и кормят после смерти родителей. А могли вообще в приют упечь, меньше было бы проблем.

Ратмир, мой малыш, стал единственным светом в окошке. После его появления в жизнь наконец-то вернулся смысл после гибели родителей. Я все еще хоть кому-то нужна…

Сбегаю в свою спальню и перевожу дух. Что за сумасшедшее утро! А ведь Юсупов здесь гостить будет несколько дней… Если сейчас так невыносимо, то что будет потом?

Отыскав более-менее подходящее платье, я натягиваю сверху кардиган. Оно на бретельках, а скрыть синяки ведь как-то нужно. Быстро причесав растрепавшиеся волосы и собрав их в хвост, я выхожу из комнаты. Сначала, конечно, стою какое-то время у двери, прислушиваясь к тому, что происходит в коридоре. Не хочется снова столкнуться с Тагиром или его любовницей.

Но накрывать на стол надо и выйти приходится.

Когда прохожу мимо комнаты сестры, Лаяна легко меня замечает. Я надеюсь ускользнуть, но она окликает:

- Марина! Марин, помоги цепочку застегнуть!

Остановившись, я тяжело вздыхаю. Сделать вид, что не расслышала и уже ушла не выйдет – половицы на ступеньках скрипят. Лучше уж помочь, чем потом снова получить нагоняй от тети Адили.

И мне не сложно. Я с радостью бы помогала даже Лаяне, если бы она вела себя не так, будто я ее прислуга. Но сест-

ре наоборот, словно нравится меня унижать. Даже когда я убираю в ее комнате, собираю в стирку вещи и глажу их, она всегда умудряется насорить еще больше, поставить неотстирываемое пятно или просто сказать что-нибудь обидное. И при любом исходе буду виновата я и только я.

Когда появляюсь в комнате Лаяны, она уже ждет меня, сидя за туалетным столиком. Дорогое резное дерево, зеркало с подсветкой и куча ящиков и шкатулочек, набитых не просто безделушками, а недешевыми украшениями и косметикой. Все для единственной родной дочки.

Еле подавляю еще один вздох. Мне безумно нравятся всякие украшения тоже, косметика, но я себе позволить толком ничего не могу. Лучше уж на сына потрачу, чем на какие-нибудь тени. Это важнее.

- Ну что ты там копаешься? Давай скорее, ждут уже все, - капризно фыркает Лаяна.

Она приглаживает нежные кружева утонченного платья, которое больше подходит для приема у какой-нибудь английской королевы, чем для обычного завтрака. Бросив на меня через зеркало высокомерный взгляд, сестра протягивает мне золотую цепочку с кулончиком.

Отказать даже в мыслях нет – опять скандал будет на ровном месте. Поэтому просто беру ее и жду, когда Лаяна приподнимет волосы. Застегнуть ее – дело трех секунд, но длинная цепочка вдруг натягивается сильнее, настолько, что в шею названой сестре впивается. В растерянности отпускаю

украшение и только тогда замечаю, что Лаяна тянула цепочку пальцами с другой стороны, что есть сил.

- Ты что делаешь? Сама же попросила помочь ее надеть, - недоумеваю я.

- Зачем ты порвала мою любимую цепочку?! – капризно кричит сестра и вскакивает на ноги. – Это подарок папы!

Перевожу взгляд на абсолютно целую цепочку, которую Лаяна стискивает в кулаке и мои брови ползут вверх.

- Ты о чем? Ты ее в руке держишь и все с ней нормально.

Глядя мне в глаза с наглой усмешкой, Лаяна наматывает на пальцы концы цепочки и резко ее пополам.

- Как же так, Марина?? Зачем ты ее порвала? Я думала, что мы сестры!

- Ты с ума сошла?! Ты сама же при мне ее порвала только что!

- Что тут происходит? Что у вас за гвалт? – тетя Адиля появляется как по мановению волшебной палочки, - Гости внизу уже, Лаяна, как не стыдно?

- Мамочка!

Эта актриса бросается тете Адиле на грудь, рыдая так, словно я разрушила ее жизнь. От шока я на месте застываю.

- Маринка порвала мою цепочку! Назло порвала! – ревет она навзрыд и тычет под нос матери порванным украшением.

Тетя Адиля ахает и хватается за сердце.

- Да ты как посмела, дрянь ты неблагодарная?! Живешь

здесь как у Христа за пазухой, как сыр в масле катаешься!

- Я не делала этого! Лаяна сама ее порвала!

Сестра всхлипывает и подвывает, только добавляя масла в огонь. Тетя Адиля в таком состоянии больше на озверевшую волчицу похожа и разбираться не станет.

- Лаяну еще и лгуньей выставляешь?? Совсем совесть потеряла! А ну сюда иди! – рявкает она.

Я в панике пячусь, когда тетя Адиля даже дочь отталкивает и направляется ко мне.

- Я ничего не делала! Пожалуйста, поверьте! – от страха сердце колотится, как сумасшедшее, и голос дрожит. Я выставляю перед собой руки, пытаясь защититься.

Но мачеха отвешивает мне мощную оплеуху и хватается за волосы.

- Мало тебе вчерашнего, а? Мало?? Руку кусаешь, которой тебя кормят! Тебя приютили, обогрели, шваль такую, а ты мало того что опозорила и в подоле принесла, так еще и дальше жизнь нам продолжаешь рушить?! Ну я тебе устрою!

Я прикрываюсь от ударов, которые щедро рассыпает тетя Адиля по телу, и рыдаю, умоляя остановиться.

- Она еще и Тагира увести хочет! Моего жениха! Мне сестра его сказала, Аниса! Она ее застукала у него в комнате! Маринка клеилась к нему и себя предлагала! – кричит Лаяна.

Тетя Адиля застывает с занесенной вверх рукой.

- Это правда? – шепчет она побелевшими от гнева губами.

- Все не так! Тетя, дайте я объясню, - скулю жалобно.

- Ах ты, сучка ты грязная… ну я тебе устрою сейчас! – обещает тетя Адиля, в бешенстве хватая провод от зарядки и замахиваясь им.

Я съеживаюсь, прикрываю лицо ладошками, вся дрожа. Из железной хватки не вырваться – только пытаешься вывернуться, как мачеха дергает так, словно скальп хочет снять. Я плачу тихо, понимая, что моя жизнь теперь в ад превратится.

Но внезапно в комнате Лаяны раздается громогласный голос Тагира:

- Какого черта у вас здесь происходит??!

Глава 9

Тагир влетает в комнату, чеканя шаг. Тетя Адиля разжимает руку и я, всхлипнув, оседаю вниз. Но на пол упасть мне не дает Юсупов. Подхватывает меня легко, удерживая одной рукой.

Сквозь слезы вижу, как испуганно тетя Адиля смотрит на жениха своей дочери. Да и сама Лаяна побелела, как мел, и застыла, в ужасе глядя на Тагира.

- Я спросил, какого черта у вас тут происходит?! – рявкает в полный голос мой бывший муж.

- Тагир Арсланович, просто вышло недоразумение, - мямлит тетя Адиля, - понимаете… Марина порвала цепочку Лаяны и… и еще кое-что сделала… вот я и вышла из себя!

- И решили ее избить?! Когда я вошел, вы собирались избить свою беззащитную падчерицу шнуром? – по одному тону слышно, что Юсупов еле сдерживается.

Его взрывной опасный характер я знаю хорошо. Когда Тагир зол, он похож на огненный смерч, готовый все на своем пути снести. Вот и сейчас, когда он прижимает меня к себе одной рукой, слышу, как вторая хрустит, когда он стискивает ладонь в кулак. Женщин Юсупов никогда не трогает, но как же сейчас ему сложно сдерживать ярость… От него буквально пышет бешенством.

Тетя Адиля, словно школьница, которую отчитывают,

прячет руку с зарядкой за спину.

- Совсем не так! Я… вы поймите, я же мать! Какая мать не учит свою дочь, когда она провинилась? – пытается юлить мачеха и улыбается подобострастно, - я виновата, признаю. Слишком строгая. Но все мы не идеальны. Ведь так, Мариночка?

Тетя Адиля обращается ко мне вроде бы мягким тоном, но я слишком хорошо ее знаю. Этот намек между строк улавливается уже на уровне подсознания. Если я не вмешаюсь, будет только хуже. Тагир рано или поздно уедет и защищать меня будет уже некому. А если я еще и открыто помощи попрошу, то только подтвержу тем самым, что Лаяне Аниса правду сказала и я пыталась соблазнить ее жениха. И вот тогда мне точно будет не жить.

- Все хорошо, Тагир… Арсланович, - быстро добавляю я и осторожно отстраняюсь.

Ноги еще стоят нетвердо на полу. Пытаюсь натянуть на дрожащие губы как можно более непринужденную улыбку.

- Я правда провинилась и… тетя Адиля просто вспылила.

Юсупов смотрит на меня так, будто я при нем змею голыми руками схватила.

- Что ты говоришь такое? Она избить тебя хотела, у тебя синяки на руках! Можешь не бояться сказать правду. Побои постоянные?

В меня впивается три пары глаз. От такого повышенного внимания мне становится еще хуже. Я затравленно смотрю

на Тагира, умоляя про себя, чтобы он перестал давить, чтобы просто забил и ушел. Он же здесь, чтобы выгодный брак с Лаяной заключить. Потом уедет, а мне тут жить с сыночком. И ладно я, но как бы тетя Адиля на Ратмире не стала отыгрываться.

А взгляд у мачехи прожигает до самых костей. Еще и Лаяна сверлит глазами.

- Нет, что вы. Я просто упала неудачно. С лестницы, - выдавливаю я первую попавшуюся ложь, что приходит мне в голову.

Тагир скрипит зубами. Его таким очевидным враньем точно не провести. Но он внезапно отступает.

- Ладно, - вдруг произносит он, - пусть так. Идем, я провожу тебя до твоей комнаты и попрошу завтрак принести в спальню.

- Я… я сама дойду, - возражаю слабо, но Юсупов так и стоит. Лишь руку ко мне протягивает, намереваясь поддержать под локоть.

Приходится сдаться. Хоть я и стараюсь не смотреть ни на тетю Адилю, ни на Лаяну, все равно чувствую их прожигающие взгляды. Мне кажется, то, как беснуется внутри сейчас мачеха, я уже ощущаю кожей. Она ведь сделать ничего не может при постороннем. Мало того, что боится позора – ведь что другие люди будут говорить о Зариповых? Так еще и Юсупов жених Лаяны. Особо не повозражаешь.

Видимо, для Зариповых слишком выгоден брак с Таги-

ром, раз тетя Адиля готова молчать и пресмыкаться.

Бывший муж помогает мне дойти до моей комнаты. Все время, что мы идем по коридору, я боюсь, что он спросит что-нибудь или попытается надавить, чтобы я рассказала правду. Но нет, Юсупов молчит. Мне бы обрадоваться, но почему-то его молчание напрягает еще больше.

- Оставайся в комнате. Завтрак тебе принесут, - отдает он сухое указание так, словно сам является хозяином в этом доме.

Но я не возмущаюсь и не перечу. Меньше всего сейчас хочется столкнуться с сестрой или мачехой. Я сильно проголодалась, но под их взглядами злобных мегер мне даже кусок в горло не полезет.

Оставшись в комнате, я опускаюсь на кровать и морщусь. Тело ломит, но больше всего меня волнует, что, когда тетя Адиля принесет завтрак, все равно отчитает. Аниса успела наплести из мести столько гадостей обо мне, что мне страшно от мысли, чем все это может кончиться. Они ведь не поверят, что все это неправда…

Интересно, если я открытоскажу, что Аниса любовница Тагира, поверят ли мне? Или решат, что я просто выгородить себя пытаюсь?

В дверь внезапно стучат и я подпрыгиваю на месте. Сердце тут же колотится, как сумасшедшее, и я на автомате стискиваю покрывало на постели. Боже, сейчас опять начнется…

Но когда дверь открывается, на пороге вдруг показывает-

ся… Кисма?

Пожилая женщина передвигается небольшими шажочками и я тут же подскакиваю, опомнившись, и тороплюсь забрать из ее рук поднос.

- Ох, ну что же вы? Садитесь скорее, - неизвестно от чего разволновавшись, я ставлю поднос на небольшой столик и тут же подставляю Кисме стул.

Судя по отдаленному сходству, это бабушка Тагира. Она улыбается и от этой теплой улыбки у глаз появляются глубокие лучики-морщинки.

- Ничего-ничего, милая, я еще ого-го! – смеется она, присаживаясь на стул. – Ты кушай, кушай, я потом поднос заберу.

- Нет-нет, вы что! Лучше я сама. Неудобно вот так человека старше меня гонять еду мне носить! Руки-ноги на месте, сама отнесу, - тут же отказываюсь с улыбкой и опускаюсь на второй свободный стул. – Хотите?

- Нет, внученька, кушай. Я по утрам не ем уже много лет. Традиция у меня такая.

На секунду на лице Кисмы мелькает печальное выражение, но почти сразу исчезает. Расспрашивать незнакомого человека об этом как-то неприлично, поэтому я задаю другой вопрос:

- Вы ведь бабушка Тагира?

- Бабушка, - кивает она и снова улыбается, - а ты, милая, давно его знаешь?

Я отправляю в рот кусочек восточной лепешки и тут же запиваю соком. Пытаюсь за стаканом скрыть свое смущение.

- Ну… не так чтобы давно, - отвечаю уклончиво.

- А хорошо вы знакомы? – продолжает выспрашивать Кисма и вид у нее такой хитрый-хитрый.

Ерзаю на стуле от неловкости.

- Ну-у… эм-м… не совсем… просто виделись пару раз, - мямлю в ответ, - А вы… вы почему спрашиваете?

- Да вот, - вздыхает Кисма, - Ты, внучка, на меня не обижайся сильно, хорошо? Тагир попросил меня тебя осмотреть.

- В каком это смысле осмотреть??

- Твое тело.

Оторопев, я таращусь на бабушку Юсупова. Лишь спустя пару секунд выдавливаю хрипло:

- Это зачем?

- А это лучше ты мне скажи. Но Тагир прямо за завтраком ультиматум Мурату поставил. И тот согласился. Ты, милая, не переживай, раздеваться полностью не надо, просто платье задери, я быстро посмотрю и все.

От негодования я резко поднимаюсь на ноги.

- Я… я не буду! Я же не товар какой-то, чтобы меня рассматривать!

- Тебя ведь бьют, да, девонька? – вдруг прищурившись говорит Кисма, - Лучше подчинись. Не знаю, хорошо ли ты знаешь Тагира, но он пытается соблюсти приличия. Однако

если ты откажешься мне синяки показать, то он и сам может прийти. И тогда точно будет скандал. Поэтому…

Кисма выдерживает паузу и кивает:

- Дай моему внуку со всем разобраться по совести. Сними платье.

Глава 10

Мои губы дрожат. Не выдержав, я опускаюсь назад на стул и закрываю лицо руками. По щекам предательски стекают горячие слезы. Не хочется, чтобы посторонний человек видел, как я плачу, но сдерживаться нет сил.

Мысленно ругаю себя, что я совсем раскисла, а мне нужно быть сильной ради Ратмира. Но очень сложно постоянно пытаться искать хоть каплю чего-то позитивного, когда вокруг сплошная тьма. Я уже не выдерживаю. Но страшнее всего за будущее. Даже представить не могу, как на мне отыграется тетя Адиля. А уж если помолвка сорвется, то вся семья Зариповых просто на кусочки меня разорвет.

Кисма молчит, не давит. Дает мне возможность выплакаться и лишь потом спрашивает негромко:

- Все ведь так и есть, да? Тебя здесь обижают?

- Я… я не могу сказать. Правда, не могу. Извините, - сгорбившись, бормочу я сокрушенно.

Так страшно. Оставаться здесь страшно и открыться еще страшнее. Я ведь не знаю, что Кисма за человек. Что, если она узнает о внуке и переменится? Тагир заберет Ратмира и она поддержит его – ведь сын должен расти с отцом…

- Не бойся, - мягкая ладонь, покрытая морщинками, ложится на мое плечо.

Кисма ободряюще сжимает его.

- Знаешь, я ведь поднимала Тагира одна. Мы сбежали из маленького аула, еще когда ему было три годика, - вдруг говорит она.

Я вскидываю голову. Никогда до этого я не слышала о прошлом бывшего мужа. Он не любил о нем рассказывать. Сказал лишь, что они жили очень бедно, что его воспитывала бабушка. Я не стала тогда слишком сильно расспрашивать, хотя мне так хотелось узнать побольше Юсупова. Но он всегда был закрытым. Как глыба льда, которую ничем не растопить.

- Мой муж был тираном. Он продал нашу дочь, маму Тагира… избил меня сильно за то, что пыталась дочку спасти. А потом тот человек вернул Айшу. Она уже забеременела. А при родах… она погибла, - с трудом говорит Кисма.

Вытерев поспешно слезы, я подаюсь вперед и стискиваю ее сухонькую ладошку в своих. Сколько же боли вынесла эта женщина?

- У Тагира никого не было, кроме нас. Но муж его будто возненавидел… мог наказывать его сильно, несмотря на то что Тагир еще совсем маленький был. А когда Ильсур избил его, трехлетнего, во мне что-то сломалось. Нас ведь учат покорности с детства. Быть хорошими женами, матерями. И я старалась быть хорошей женой, вот только матерью стала отвратительной. Не уберегла свою единственную дочку… И я решила, что должна спасти хотя бы внука. Я дала себе слово, что больше никогда не стану терпеть ни унижений, ни побо-

ев. И не дам в обиду ребенка. А ты ведь ребенок еще.

- Ну что вы, совсем нет, - смущаюсь я. – Мне уже больше двадцати.

- Для моего возраста практически все в этом доме дети, - улыбается Кисма.

Я кусаю губы. Решиться на такой шаг для меня сложно. Но кое в чем бабушка Тагира очень права – если я не сделаю этого сейчас, не покажу синяки ей, то Юсупов явится сам. Пока что есть хотя бы мизерный шанс избежать катастрофы. Да, скандал, скорее всего, будет грандиозный, но все-таки это не то же самое, когда жених хозяйской дочки вдруг сам приходит осматривать ее сестру.

Решившись, я встаю и аккуратно стягиваю с себя одежду. На мне остается только удобное хлопковое белье. Хоть и смущаюсь, но понимаю, что Кисму не мое тело интересует, а синяки на нем. И она действительно внимательно рассматривает каждый. Молчит, хмурится, а потом кивает:

- Спасибо, что доверилась. Побудь здесь. Я спущусь вниз и поговорю с Тагиром.

Мы тепло прощаемся с бабушкой Юсупова. Эта встреча оставила приятный осадок, несмотря ее причину, но все равно тревогу оказалось не унять.

Я переоделась в домашние штаны и мешковатую кофту, будто спрятаться ото всех пыталась. Кисма ушла уже полчаса назад и с каждой новой минутой во мне росло отчаяние и беспокойство. Что же там происходит внизу? И чем все это

обернется?

Хотя… может Тагир просто более выгодные условия брака с Лаяной для себя выторговывает? С чего я вообще взяла, что он вдруг кинется меня защищать? Мы развелись давно. А то, что Юсупов мне недавно наговорил – так он просто поразвлекаться со мной захотел…

Сейчас изобразит разгневанного искателя справедливости, получит в управление какой-нибудь холдинг крупный и забудет, как меня зовут. А я… а мне конец.

Дверь вдруг с грохотом открывается. Я подпрыгиваю на месте, застигнутая врасплох – от нервов я даже ногти принялась грызть на руке.

На пороге стоит… тетя Адиля. Уничтожает меня взглядом. Внутри что-то медленно умирает.

- Что, добилась своего? – шипит она, - Нравится, когда вокруг тебя все пляшут? Потаскуха!

Сжимаю губы в тонкую нить. Лучше промолчать сейчас. Мой сын у них, я даже толком не знаю, где именно…

- Что молчишь? – еще больше выходит из себя тетя Адиля, - Ну ничего… иди к Мурату в кабинет, сама будешь объясняться. И только попробуй мне что-нибудь ляпни лишнее, поняла?

- Что у вас там такое? Почему так долго? – раздается совсем рядом голос Кисмы.

И тетя Адиля волшебным образом за одно мгновение из разгневанной мегеры, ненавидящей меня до глубины души,

превращается самое милое создание на земле.

- Ничего, ничего, дорогая Кисма, - улыбается она так широко и старательно, что кажется сейчас щеки треснут. – Просто немного подгоняла Марину, она не хотела идти.

Кисма останавливается рядом с тетей Адилей, окидывает меня коротким взглядом и ободряюще улыбается:

- Не бойся, иди, внученька.

Мачеху чуть ли не корежит от ласкового обращения ко мне.

Еле сдерживая внутреннюю дрожь от волнения, я прохожу мимо посторонившихся женщин и направляюсь к кабинету дяди Мурата. Каждый шаг тяжелый, словно на эшафот иду. Зачем он меня позвал?

А вдруг кто-то рассказал о ребенке Тагиру? Просто упомянул вскользь, что я не такая уж святая и «нагуляла на стороне ребенка», а Юсупов просто сложил два и два?

До кабинета дяди Мурата всего метров десять, но я успеваю себя накрутить настолько, что, когда берусь за ручку двери, едва в обморок не падаю от головокружения. Главное, чтобы никто не рассказал про Ратмира!

- Можно? – робко бормочу я, когда открываю дверь.

И сталкиваюсь взглядами с черными, как омуты, глазами Тагира.

Глава 11

Я застываю в дверях. Даже пошевелиться не могу сначала, но строгий голос дяди Мурата выводит из оцепенения.

- Марина. Зайди и сядь.

В его тоне звучит сталь. Я глаза боюсь поднять. Прикрываю за собой дверь и семеню к столу. Приходится сесть рядом с Тагиром, потому что напротив дяди Мурата только одно свободное кресло. Нас разделяет всего сантиметров тридцать пространства. Можно было бы сказать целых тридцать! Но этого мало. У меня будто кожа готова воспламениться от взгляда Юсупова.

Так и хочется закричать, чтобы он перестал пялиться, что это неприлично, но не решаюсь и звука выдавить. Рядом с дядей Муратом всегда так происходит. Он подавляет не только своей грузной фигурой, но и тем, какая угрожающая аура от него всегда исходит. Если тетя Адиля крикливая и любит поскандалить, то дядя Мурат сдержанный и холодный. Вот только наказывает он куда серьезнее. Недаром даже такая боевая жена его боится, хоть и скрывает это всячески.

- Марина, - обращается ко мне дядя Мурат и я невольно вздрагиваю всем телом и впиваюсь пальцами в ручку кресла, - сегодня утром какое-то недоразумение случилось по твоей вине… может пояснишь?

- Не по ее вине, - сухо обрубает Тагир. – Я самолично стал

свидетелем того, как ваша жена избивала вашу приемную дочь.

- Гм… может ты не так понял? Видишь ли, Марина… она очень проблемная. И иногда такие методы воспитания просто необходимы. Иначе она не понимает.

У меня вспыхивают уши.

- К тому же, - продолжает дядя, - синяки она могла получить и совсем не из-за Адили. Уверяю тебя, Тагир, моя жена никогда бы не стала издеваться над приемной дочерью! Марина – наша кровь, мы приняли ее в семью как родную! Она подтвердит, что никогда ей ни в чем не было отказа и ни в чем она не нуждалась. Правда ведь, Мариночка?

Дядя Мурат обращается ко мне слишком ласковым, даже каким-то приторным тоном, как никогда не делал. Я робко вскидываю голову, но Юсупов вдруг жестом пресекает:

- Разговаривайте со мной, а не с ней. Допустим, что это так. Синяки появились не от вашего «воспитания». Откуда они тогда?

- Это нужно у Марины спросить, - как ни в чем не бывало пожимает плечами дядя Мурат, - может быть она упала. Да и, не думаю, что синяков так уж много. Мне кажется, что твоя бабушка немного преувеличила.

- Хотите сказать, что она солгала? – голос Тагира леденеет.

Он звучит так опасно, словно за одно только предположение готов как следует вмазать по лицу. Обычно на такое дя-

дя Мурат никак не реагирует, но тут вдруг идет на попятный и лебезит:

- Ну что ты, что ты, Тагир. Просто… ну, давай будем честными. Кисма уже немолода, - осторожно выговаривает он с противной заискивающей улыбочкой, - она могла напутать. Да и в таком возрасте женщины обычно очень… как бы это сказать… сердобольные. Часто верят в совсем уж глупые бредни. Разжалобить их очень легко.

Вижу, как Юсупов стискивает руку в кулак и разжимает ее. Снова и снова. Он всегда так делал, чтобы справиться со своим взрывным характером. Дядя Мурат сейчас по действительно тонкому льду ходит.

- То есть Мурат Зарипов в открытую говорит мне, что моя бабка выжила из ума и поверила в жалостливые рассказы вашей падчерицы? – уточняет Тагир ледяным тоном. – А не кажется ли вам, дорогой Мурат Закирович, что вы, как бы это сказать… охренели в край?

Я вжимаюсь в спинку кресла, как мышка. Боюсь даже шелохнуться, настолько накалена атмосфера в кабинете. Кажется, что, если я сейчас двинусь и одежда создаст хоть малейшее трение, все к чертям взорвется.

Лицо дяди Мурата багровеет, пятнами даже идет от того, как он зол. Он обращается к Тагиру на «ты», пользуясь тем, что тот младше. Но точно себя не чувствует в выигрышном положении. Иначе отчего бы он так бесится?

- Что ты, - сквозь зубы цедит он, - я совсем не это имел

в виду.

- Очень хорошо. Я уже подумал, что ты, - Тагир выделяет интонацией «ты», словно подчеркнуть хочет, что уважительно относиться он больше не будет, - хочешь меня оскорбить. Рад, что ошибался. И думаю, тебе стоит извиниться.

На секунду мне кажется, что дядя Мурат сейчас лопнет или у него пар из ушей пойдет. Он зыркает в мою сторону. Даже если он бывал виноват, дядя Мурат прощения никогда не просил, а тут его буквально заставляют извиняться. Да еще и я этому свидетельница…

- Да. Ты прав, я погорячился. Извини, - медленно цедит он, словно каждое слово с трудом дается.

Я растерянно моргаю. И куда делся невыносимый характер дяди Мурата? Даже тетю Адилю придирками он иногда до слез мог довести, а тут… Неужели все так плохо, раз он готов глотать унижения ради союза с Юсуповым?

Тагир слегка вздергивает уголки губ в подобии улыбки.

- Извинения приняты.

На пару мгновений воцаряется молчание. Мне так некомфортно, что хочется сбежать. Но я прекрасно понимаю, что сделать этого мне никто не позволит, поэтому просто пытаюсь слиться с креслом.

- Мне одно покоя не дает, - задумчиво постукивая пальцами по подбородку, тянет Тагир, - если ты так хорошо заботишься о племяннице, то зачем же она тогда разжалобить мою бабушку пыталась? Просто твоя версия интересна.

Дядя Мурат снова нехорошо зыркает на меня. Сейчас, после пережитого унижения, ему хочется на ком-то отыграться. Уверена, не будь здесь Юсупова, мне бы точно не поздоровилось…

- Внешность обманчива, Тагир. С виду Марина ангелом может показаться, но первое впечатление обманчиво. Поверь, она еще та… - я сжимаюсь, думая, что сейчас дядя оскорбит меня, но тот находит подходящее слово, - бестия.

- О да, - ухмыляется Юсупов и бросает на меня откровенный взгляд, - вполне себе верю.

Сердце делает кульбит. Знаю, что Тагир намекает на что-то пошлое. А вот дядя… он знает мою постыдную тайну о ребенке вне брака. И очень надеюсь, что все-таки не расскажет ее. Зариповы ведь помешаны на внешней чистоте – а я грязная клякса на их идеальной репутации. Позорю их. Им ведь не нужно, чтобы Юсупов отказался от сделки, узнав правду. Ведь тогда люди скажут, что и родную дочь Зариповы воспитали плохо.

- Я надеюсь, что на этом конфликт исчерпан? – тут же пытается съехать с темы дядя Мурат, - Помолвка ведь не отменяется из-за какого-то мелкого недоразумения?

Тагир пожимает плечами спокойно:

- Не отменяется. Но есть небольшой нюанс.

- Какой? Я все готов обговорить. Марина, можешь быть свободна.

Но Юсупов отрезает:

- Пусть останется. Разговор касается и ее тоже.

- Мы ведь уже все обсудили, - хмурится дядя Мурат.

- Не совсем, - на губах Тагира появляется холодная усмешка и он впивается в меня взглядом, - у вас ведь две дочери…

Сердце уходит в пятки. На что он… на что Тагир намекает?

И Юсупов не заставляет себя ждать. Говорит то, от чего у дяди Мурата от возмущения глаза на лоб лезут.

- Помолвка с вашей родной дочерью отменяется. Я женюсь на Марине.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.